

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ЕВРОАЗИАТСКИЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ
ДИАЛОГ: «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ»
В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ
КУЛЬТУРЫ**

Под редакцией д-ра филол. наук О.Б. Лебедевой

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2007

Петер Турген

**«HOMO SUM» – «EUROPAEUS SUM» – «SLAVUS SUM»
К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ СПОРЕ МЕЖДУ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВОМ,
ЕВРОЦЕНТРИЗМОМ И СЛАВЯНОФИЛЬСТВОМ В РОССИИ
И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРАХ**

I

Всем нам хорошо известна латинская поговорка «[Pro captu lectoris] habent sua fata libelli». С тем же успехом можно сказать и то, что «Habent sua fata dicta», или, точнее, «Habent sua fata sententiae». Особенно же поучительны истории тех сентенций и афоризмов из арсенала крылатых выражений, которые генетически укоренены в античных текстах или Библии. Кому не известны такие формулы и тоpoi, как «Gnothi seauton»¹, «Heureka», «Alea iacta est», «Sapere aude», «Ecce homo!» (Иоанн, 19, 5), «Noli me tangere!» (Иоанн, 20, 17) и подобные. Однако же наряду с такими выражениями, которые особенно легко запоминаются в силу своего предельного лаконизма и особенно широко распространены – вплоть до того, что, благодаря своей выразительности, зачастую становятся названиями книг, существует еще множество оборотов сентениозного типа, которые менее известны, но не менее богаты смыслами и потому гораздо более нуждаются в соответствующих комментариях. История их бытования связана не столько со сферой гномической мудрости элитарного или псевдоэлитарного обиходного языка, в данном случае скорее факультативной, сколько с основополагающими текстами духовно-правовой истории – в самом широком смысле этих слов. И временами подобные выражения могут обретать неожиданную актуальность.

Таков, например, афоризм Цицерона «Summum ius summa iniuria» (De off. I, 10, 33), означающий, что если только позитивистски следовать букве закона, то сообразная ей правота может одновременно оказаться величайшей несправедливостью. Бризантность и злободневность этого речения становятся поразительно явными, если вспомнить, что после краха неправовой политической системы действия представителей высших эшелонов власти, как правило, остаются безнаказанными, в то время как подчиненные или простые исполнители подвергаются осуждению. В 1926 г. классический филолог Иоганнес Струкс озаглавил

---

¹ Courcelle P. Connais-toi toi-même. De Socrate à Saint Bernard. Paris, 1974/75.

этим афоризмом посвященный проблеме *aequitas*² труд, который именно в наши дни оказывается особенно достойным внимания³.

Менее взрывной, но несравненно более действенной и продуктивной стала сентенция, восходящая к творчеству римского комедиографа Теренция: «*Homo sum: humani nil a me alienum puto*»⁴ – «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». И хотя в контексте комедии Теренция «Самоистязатель» («*Neautontimorumenos*»), восходящей к греческому оригиналу Менандра, эта сентенция брошена вскользь и лишь в адрес таких, несомненно, общечеловеческих свойств, как любопытство и страсть всезнания, однако уже в Древнем Риме она получила статус, так сказать, архетипической декларации гуманности. Именно в этом смысле слова Теренция частично цитируют уже Цицерон (*De leg.* I, 12, 33; *De off.* I, 9, 30) и, прежде всего, Сенека. В «Письмах к Луцилию» Сенека замечает, что стих «*Homo sum*» люди должны постоянно иметь в сердце и на устах, поскольку все мы рождены к общежителю: в свою очередь, общество можно уподобить выложенному из отдельных камней своду, который не рушится лишь потому, что каждый камень опирается на соседние и сам служит для них опорой: «*Ille versus et in pectore et in ore sit: "Homo sum, humani nihil a me alienum puto". Habemus in commune: nati sumus. societas nostra lapidum fornicationi simillima est, quae casura, nisi in vicem obstant, hoc ipso sustinetur*» (*Ad Luc.* 95, 53)⁵.

---

² Термин римского права, букв.: «справедливость» (примеч. переводчика).

³ См.: *Stroux J.* *Summum ius summa iniuria.* Ein Kapitel aus der Geschichte der Interpretatio iuris. Leipzig; Berlin, 1926. О том, что разыскания автора нуждаются в некоторых уточнениях с позиций классической филологии и истории права, см.: *Fuhrmann M.* *Philologische Bemerkungen zur Sentenz "Summum ius summa iniuria" // Studi in onore di Edoardo Volterra.* Milano, 1971. Bd. 2. S. 53-81.

⁴ Terenz. *Neautontimorumenos.* 77 (*Теренций.* Комедии. М., 1985. С. 115. стих 78-79. (Б-ка античной литературы). Латинская формула бытует с незначительными вариациями, в тонкости которых я здесь не вдаюсь, поскольку они не видоизменяют смысла в целом. Об оригинале Менандра см.: *Dornseiff F.* *Nichts Menschliches ist mir fremd // Hermes.* 1943. № 78. S. 110-111.

⁵ Из работ последнего времени, посвященных истории рецепции слов Теренция и содержащих обширный цитатный материал, следует назвать: *Lefèvre E.* *Ich bin ein Mensch, nichts Menschliches ist mir fremd // Wegweisende Antike. Zur Aktualitaet humanistischer Bildung.* Festgabe fuer Guenter Woehrle (Hgg. O. Herding, E. Olshausen). Stuttgart, 1986. (Humanistische Bildung. Beiheft I). S. 39-49. См. Также: *Lefèvre E.* *Terenz' und Menanders Neautontimorumenos.* Muenchen, 1994. (*Zetemata*, Heft 91). S. 26-57. Лефевр детально останавливается на проблеме истолкования текста и приводит подробный библиографический список. Кроме того, необходимо указать на исследование: *Bartels K.* *Eulen aus Athen.* Streiflichter aus der Antike. Paderborn, 1988. S. 60-62 (Гл. «Ich bin ein Mensch...»). Из числа более ранних работ особого внимания заслуживает исследование: *Jocelin H.D.* *Homo sum: humani nil a me alienum puto // Antichthon. Journal of the Australian Society for Classical Studies.* Vol. 7. 1973. P. 14-46, содержащее репрезентативную подборку более ранних фактов рецепции и их интерпретацию.

Из римско-латинских источников сентенция переходит в христианскую этику отцов церкви, а также в средневековые литературные тексты и литературу Нового времени. Она известна Амброзию, Августину, Иоанну из Солсбери, Эразму Роттердамскому, Монтеню, Вольтеру, Руссо и многим другим⁶. Изречение Теренция обретает самостоятельность и входит в цитатный золотой фонд прежде всего ренессансного гуманизма, затем французской моралистики и просветительской этики. Наряду с его полным текстом констатируются и усеченные варианты: «Homo sum» или «ничто человеческое мне не чуждо»⁷, которые сохраняют способность вызывать в памяти представление о полном составе и фразовой форме этого общего места⁸.

Сентенция имела статус программной и была популярной не только во Франции в эпоху Просвещения, но и в Германии на исходе XVIII в., когда в этике неогуманизма был выработан духовный идеал целостного человека, ориентированный на антично-ренессансные образцы. Фраза Теренция стала удостоверением и подлинным манифестом человечности («humanitas»): в 1771 г. эта ее коннотация нашла свое вполне адекватное выражение в комментарии Кристофа Мартина Виланда:

При всей своей неприкрашенной простоте этот стих – лучший из всех, когда-либо внушенных поэтам человечностью⁹.

Несколько позже педагог Иоганн Генрих Кампе писал о ней в контексте своих размышлений о Великой французской революции, о всеобщих правах человека и об идеализированном космополитизме:

Все национальные различия, все национальные предрассудки отступали <...> перед лицом <...> чувства принадлежности к человеческому роду. В то время нашим девизом было Homo sum¹⁰.

---

⁶ См.: *Lefèvre E.* Op. cit. (1986, 1994). О роли слов Теренция в формировании гуманистического идеала в английском просвещении см.: *Neues Handbuch der Literaturwissenschaft*. Bd. 12 (Europäische Aufklärung, II. Teil). Wiesbaden, 1984. S. 35.

⁷ См.: *Delon M.* «Homo sum...». Un vers de Tércence comme devise des Lumières // *Dix-huitième siècle*. 1984. № 16. P. 279-296, с многочисленными примерами.

⁸ Цитата из Теренция входит не только в корпус устойчивых латинских выражений (ср. в том числе: *Otto A.* Die Sprichwoerter und sprichwoertlichen Redensarten der Roemer. Hildesheim, 1964 [Репринт изд. Leipzig, 1890]; *Bayer K.* Nota bene! Das lateinische Zitatlexikon. Zuerich, 1993. S. 172) – она включается и в состав многих сборников крылатых выражений вообще, вплоть до собраний Buechmann и Zitat-Duden. То же самое положение характерно и для других языковых ареалов. А.Д. Райхштейн приводит ее даже в своем учебном пособии по лексикологии «Немецкие устойчивые фразы» (Л., 1971. С. 126).

⁹ Цит. по: *Lefèvre E.* Op. cit. (1986). S. 45; (1994). S. 40.

¹⁰ *Lefèvre E.* Op. cit. (1986). S. 45 и след.; (1994). S. 43. Ср. также: *Lefèvre E.* Die Geschichte der humanistischen Bildung // *Humanistische Bildung*. 1979. № 2. S. 97-154; о неогуманизме см.: S. 99 и след.

В заключение этого краткого обзора я еще раз обращаюсь к вопросу о немецких документальных источниках. В течение всего XIX в. сентенция и ее усеченные формы бытуют в немецких – как, впрочем, и в других европейских – литературных текстах. Существуют отдельные стихотворения – и даже стихотворные сборники (Юлиус Харт, Лейпциг, 1890) и романы, которые выходят в свет под заглавием «Номо сум». Конрад Фердинанд Мейер, Эберс¹¹, Ницше и Фонтане употребляли эти формулы. В 1865 г., в анкете под названием «Признания» («Bekennnisse»), заполнение которых было в те времена излюбленным светским развлечением, Карл Маркс ответил на вопрос о его любимой максиме цитацией слов Теренция: «Nihil humani a me alienum puto»¹². Уже одна только немецкая рецептивная история сентенции, движущаяся от пафоса к тривиализации, а в XX в. обнаруживающая сильнейшую склонность к иронии, была бы достойна отдельного исследования¹³.

II

Однако как же обстоит дело с историей интересующего нас изречения в России? Насколько мне известно, исследований, посвященных этому вопросу, не существует. Русский перевод гласит: «Я – человек, ничто человеческое мне не чуждо», соответственно в поэтическом переводе: «Я – человек, не чуждо человеческое мне ничто»¹⁴. Сюда следует добавить русские эквиваленты усеченных форм сентенции и перифра-

---

¹¹ Прозаик и египтолог Георг Эберс (1837-1898) в 1877 г. опубликовал роман под названием «Номо сум», которому в качестве эпитафии предпослан полный текстовый вариант стиха Теренция. В самом тексте романа стих перетолкован в христианском духе, а в финальной фразе он варьируется в надгробном слове: «Молитесь за меня, бедного; я был человек» (*Ebers Georg. Ausgewaehlte Werke. Stuttgart; Berlin. S. a. Bd. 3. S. 266*).

¹² Ср.: *Internat. Review of Social History*. 1956. № 1. P. 108. См. также: *Marx K., Engels F. Werke. Berlin, 1965. Bd. 31. S. 595; Mohr und General. Erinnerungen an Marx und Engels. Berlin, 1982. S. 547*. За это указание я приношу благодарность Герхарду Шауманну (Тау-тенбург-Йена).

¹³ Здесь можно упомянуть и произведения невербальных искусств; ср., напр.: «Номо сум». 34 Zeichnungen von Paul Wunderlich. Mit einem Text von Fritz J. Raddatz. Muenchen; Zuerich, 1978. Издание принадлежит к разряду эротических. Само собой разумеется, что учету подлежат также пародии, игровые формы, перевертыши и прочие производные от цитаты. Роман Якобсон оставил самохарактеристику: «Linguista sum, linguistici nihil a me alienum puto» (ср.: *Jocelyn. Op. cit. P. 15, примеч. 6*). См. также: *Hildesheimer W. Mitteilungen an Max ueber den Stand der Dinge und anderes. Frankfurt a. M., 1983. S. 50*. О рецептивной истории комедии Теренция см.: *Kes B.R. Die Rezeption der Komoedien des Plautus und Terenz im XIX. Jahrhundert. Amsterdam, 1988*.

¹⁴ В стихотворном переводе с инверсией, см.: Теренций. Комедии. Пер. с лат. А.В. Артюшкова. М., 1985. С. 115, ст. 78-79. (Б-ка античной литературы). Этот же перевод напечатан и в издании 1934 г. (изд-во «Academia»). Слегка измененную редакцию перевода предлагает издание: *P. Terenti Nauton Timogumenos. Сам себя наказывающий. С введением <...> А.К. Деллена. Харьков, 1879. С. 318*.

стические обороты аналогичного содержания¹⁵. Ниже я хотел бы поделиться некоторыми наблюдениями, которые касаются, прежде всего, русского XIX в. и далее – западнославянского мира.

Достаточно репрезентативную подборку случаев употребления этой конструкции предлагает изобилующий и многими другими материалами «Словарь иноязычных выражений и слов» А.М. Бабкина и В.В. Шендецова¹⁶. Весьма полезным дополнением к нему может послужить объемный «Словарь латинских крылатых слов» Н.Т. Бабичева и Я.М. Боровского¹⁷, тогда как авторы сборника «Крылатые слова», Н.С. Ашукин и М.Г. Ашукина, ограничиваются минимальными сведениями¹⁸.

А.М. Бабкин и В.В. Шендецов приводят примеры цитации интересующего нас изречения в текстах (в том числе эпистолярных) Станкевича, Белинского, Герцена, Огарева, Добролюбова, Салтыкова, Мамина-Сибиряка, Чехова и др. Однако же неиспользованными остаются возможности извлечения примеров из наследия Достоевского, Тургенева, Самарина, И. Аксакова, Плещеева, Некрасова, В. Соловьева, Бунина и многих других. Хотя последовательность прецедентов цитации выстроена авторами в соответствии с ее различными смысловыми нюансами, из этой последовательности никак не явствует, в какой именно

---

¹⁵ В словарях специфически русских пословиц и поговорок стих Теренция отсутствует; см. наряду с более старыми изданиями, такими как словари И.М. Снегирева или В.И. Даля: *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп., М., 1991; *Зимин В.И. и др.* Русские пословицы и поговорки: Учеб. словарь. М., 1994. Коренное русское выражение, которое, впрочем, лишь отдаленно может быть сопоставлено с латинским стихом, гласит: «Все (мы) люди, все (мы) человеки»; см.: *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. М., 1979. С. 36 (с отсылкой к случаям словоупотребления А.Ф. Писемским и А.Н. Степановым). См. также: *Снегирев И.М.* Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. М., 1831-1834 (Репринт: М., 1995. С. 44); *Жуков В.П.* Указ. соч. С. 76 (с примерами словоупотребления в текстах Достоевского); *Зимин В.И.* Указ. соч. С. 9.

¹⁶ *Бабкин А.М., Шендецов В.В.* Словарь иноязычных выражений и слов: В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1981-1987. Т. 1. С. 571 и след. В 1994 г. в С.-Петербурге вышло 3-е издание (в 3 томах). Менее исчерпывающими, но тем не менее полезными являются более старые собрания: *Михельсон М.И.* Ходячие и меткие слова. М., 1994 (репринт). С. 524 и след., а также: *Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: В 2 т. М., 1994 (репринт). Т. 2. С. 578 и след.*

¹⁷ *Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* Словарь латинских крылатых слов. М., 1986. С. 325-327. Здесь же, на с. 775 и след., даны сведения и об афоризме «Summum ius summa iniuria».

¹⁸ *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. 4-е изд., доп. М., 1987. С. 399 (без примеров словоупотребления, которые, хотя и в недостаточном количестве, приводились в более ранних изд.; первое изд. цит. соч. появилось в 1955 г.). Столь же недостаточными представляются и сборники: *Воронцов В.В.* Чаша мудрости: Афоризмы, изречения, высказывания отечественных и зарубежных авторов. М., 1978; *Афонкин Ю.Н.* [при участии В. Шаде]. Русско-немецкий словарь крылатых слов. Москва; Лейпциг, 1985. С. 259.

духовно-исторической связи сентенция была реципирована в каждом отдельном случае. Кроме прочего, отсутствует и какая бы то ни было попытка объяснения того факта, что изречение Теренция особенно часто встречается в русских текстах второй трети XIX в., приобретающая свое программное значение именно в эту эпоху¹⁹; его вариантам и переделкам тоже не уделено специального внимания.

Я полагаю, что интенсивность рецептивной истории сентенции именно в период времени между 1830 и 1860 гг. является вполне объяснимой. Это была эпоха, когда литература, философия и историография были охвачены ориентированным в равной мере на классику и идеализм просветительским энтузиазмом, который пропагандировал идеал *прекраснодушия*, в котором слились воедино лозунги истины, добра и красоты. Понятие «человек» приобрело экстраординарную эмфатическую насыщенность, а стремление к человечности (гуманности) достигло своего апогея. При пресловутом министре просвещения С.С. Уварове существенную роль в русской образовательной концепции играли науки о древнем мире и предметы, связанные с классической филологией²⁰, а в программах русского университетского образования основными предметами являлись немецкая литература и немецкая философия. Во многих периодических изданиях печатались материалы по истории греческой и римской литературы, содержавшие в том числе регулярные и временами весьма подробные оценки творчества Теренция²¹. При этом отмечалось особо, что он блистал не столько даже комедиями, сколько «сентенциями, афоризмами и поговорками», среди которых особенная слава выпала на долю стиха «*Homo sum*»²².

Исследования лексикографов (Ю.А. Бельчиков, Ю.С. Сорокин) показали, что семантическое поле «гуманность/гуманный/гуманизм» начало экстенсивно распространяться именно с 1840-х гг.; лучшим доказательством этого утверждения могут послужить тексты Белинского или Станкевича²³. Русское же слово «человечество», означающее, впро-

---

¹⁹ Это замечание не следует рассматривать как упрек составителям словаря, поскольку подобные задачи не являются актуальными для такого рода издания.

²⁰ Ср.: *Wes M.A. Classics in Russia. 1700-1855.* Leiden; New York; Koeln, 1992, в особенности гл.: «The Birth of 'Alphilologie' in Russia». P. 68-127. О роли С.С. Уварова см.: *Ibid.* P. 112 и след.

²¹ Ср., например, публикацию на эту тему, принадлежащую С.П. Шевыреву: ЖМНП. 1838. Ч. 19. С. 23-79.

²² См.: *История драматической литературы.* Менандр и Теренций // Репертуар и пантеон. 1844. Кн. 2. С. 474.

²³ См.: *Бельчиков Ю.А.* Из истории слова «гуманность» // Сборник статей по языковедению. Проф. академику В.В. Виноградову. М., 1958. С. 54-66; *Он же.* Общественно-политическая лексика В.Г. Белинского. М., 1962. С. 72-85 (без указания на слова Теренция как на источник термина); *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского языка в

чем, как «человечность», так и «род человеческий», употреблялось уже и тогда в обоих этих значениях. Соответственно, несколько позже Н. Бердяев имел полное основание заявить, что под словом «гуманизм» в России подразумевался по большей части «гуманитаризм», а это означает взаимопроникновение культурного и социального понятий²⁴.

III

Сигнификативную функцию стиха Теренция в сфере самоопределения гуманизма и гуманности философ Эдуард Шпрангер описал следующим образом: «Вся западноевропейская историография вплоть до позитивизма конца XIX в. гуманистична. Каждый историк продолжает собою поколение гуманистов. В сущности, было бы очень затруднительно ответить на вопрос о том, на каком именно основании можно объединить этих гуманистов: от Фукидида до Полибия, от Цицерона до Макиавелли, а от этого последнего – до Нибура, Ранке, Моммзена и Мейнеке. Пока что в вопросе о принципах, связующих между собою всех перечисленных гуманистов, мы сходимся на одном: без исключения все они объединены одним и тем же символом веры: “Homo sum. Nihil humani a me alienum puto”»²⁵.

Примечательно то, что в России постоянно давало о себе знать стремление включить идеологическое течение западничества в парадигму гуманизма. Московский историк Владимир Герье (1837–1919) в 1880 г., в первом номере вновь созданного журнала «Исторический вестник», выступил со следующим заявлением итогового характера:

Приверженцев европейского, общечеловеческого направления называли западниками; это было одностороннее, неверное наименование. <...> Западники 30–50-х годов имели право на совершенно иное название. Это были русские гуманисты. Нет основания приурочивать этот термин исключительно к эпохе ренессанса <...>. Идеалы гуманизма развивались и расширялись под влиянием европейской науки и европейской мысли. <...> На этом гуманизме воспитались классические поэты Германии: Лессинг, Гердер, Шиллер и Гете <...>. Этот обогащенный, облагороженный новыми идеями XIX века гуманизм – продукт европейской общечеловеческой цивилизации, – вот что пытались провести в наше общество русские гуманисты, так называемые западники сороковых годов! Не замену национального западным ставили они себе целью, а воспитание Русского общества на европейской универ-

---

30-90 гг. XIX в. М.; Л., 1965. С. 90 и след. См. также: *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 1. С. 226 и след.

²⁴ *Бердяев Н.А.* Русская идея (гл. IV. Проблема гуманизма. Гуманизм и гуманизм) // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 118 и след. (Перевод: *Die russische Idee. Eingeleitet, uebersetzt und erlaeutert von Dietrich Kegler.* Sankt Augustin, 1983. S. 96 и след.).

²⁵ *Spranger E.* Aufgaben des Geschichtschreibers // *Historische Zeitschrift.* 1952. № 174. S. 259.

сальной культуре, чтобы поднять национальное развитие на степень общечеловеческую, дать ему мировое значение²⁶.

Именно к западничеству как идеологическому течению русской мысли традиционно причисляется московский профессор истории Тимофей Грановский. В год его смерти (1855) И.С. Тургенев охарактеризовал его следующим образом:

От него веяло чем-то возвышенно-чистым; ему было дано (редкое и благородное свойство) не убеждениями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное в душе другого; он был идеалист в лучшем смысле этого слова – идеалист не в одиночку. Он имел точно право сказать: “Ничто человеческое мне не чуждо” – и потому и его не чуждалось ничто человеческое²⁷.

Совершенно аналогичные формулировки мы найдем и в более позднем тексте Тургенева, в его «Воспоминаниях о Белинском», где, между прочим, писатель замечает:

Белинский был идеалист в лучшем смысле слова. <...> Белинский был настолько же идеалист, насколько отрицатель; он отрицал во имя идеала. Этот идеал был свойства весьма определенного и однородного, хотя именовался и именуется доселе различно: наукой, прогрессом, гуманностью, цивилизацией, – Западом, наконец. <...> Белинский посвятил всего себя служению этому идеалу; всеми своими симпатиями, всей своей деятельностью принадлежал он к лагерю “западников”. <...> Ч е л о в е к о н б ы л²⁸!

О себе же самом Тургенев сказал в 1875 г. буквально следующее: «Все человеческое мне дорого. Славянофильство чуждо – так же как и всякая ортодоксия»²⁹.

IV

Как это уже было отмечено выше, в России слова Теренция входят в употребление около 1830-х гг. Надеждин³⁰, Станкевич³¹ и другие литераторы этой эпохи поначалу пользуются ими скорее как ученым деко-

---

²⁶ Герье В. Сергей Михайлович Соловьев // Исторический вестник. 1880. Кн. 1, № 1-4. С. 83 и след. (разрядка автора. – П.Т.). (Немецкий перевод: *Guerrier W. Der russische Historiker S. Solowjef // Historische Zeitschrift*. 1881. № 45. S. 57). Несколько лет спустя историк и публицист П.В. Безобразов (1859-1918) сочувственно процитировал эту характеристику в своей кн.: *С.М. Соловьев, его жизнь и научно-литературная деятельность: Биографический очерк*. СПб., 1894. С. 72 и след.

²⁷ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. М.; Л., 1963. Сочинения. Т. 6. С. 373.

²⁸ Там же. Сочинения. Т. 14. С. 41, 42, 62 (разрядка моя. – П.Т.).

²⁹ Там же. Письма. Т. 11. С. 31 и след.

³⁰ Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 48.

³¹ Письмо В.Г. Белинскому, октябрь 1834 // Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830-1840 / Ред. и изд. А. Станкевича. М., 1914. С. 408.

ром: до тех пор, пока Белинский, приблизительно в 1840 г., со всей присущей ему силой выразительности, не придаст им статуса декларации принципов гуманности. «Человечество выше всякого народа», – пишет критик и далее добавляет:

Я человек – и ничто человеческое не чуждо мне: вот закон, на основании которого мы выучиваемся чужим языкам, понимаем чужие нравы, интересуемся чужою историею, наслаждаемся чужою поэзиею, становимся гражданами уже несуществующих народов и протекших веков, делаемся властелинами прошедшего, настоящего и будущего, царствуем над миром и вечностию³².

Это высказывание становится одновременно и актом европейской самоидентификации, поскольку «все человеческое есть европейское, и все европейское – человеческое»³³. В 1846 г. Белинский так закончит свою мысль:

Теперь Европу занимают новые великие вопросы. Интересоваться ими, следить за ними нам можно и должно, ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми³⁴.

Двум поэтам, как считает Белинский, принадлежит честь быть провозвестниками гуманности – Шиллеру и Пушкину. Шиллер, чьи произведения дышат «любовью к человеку и человечеству», для русского критика – великий поэт именно потому, что он «поэт гуманности»³⁵. Тем самым он получает статус «воспитателя»; в России же, согласно Белинскому, лишь Пушкин может сравниться с немецким поэтом по этому признаку. Пушкинская поэзия отмечена «внутренней красотой человека и лелеющей душу гуманностью», она развивает в читателе «чувство изящного и чувство гуманности»³⁶. «‘Человечность’ (die Humanitaet)» вообще должна быть целью любого воспитания и образования³⁷. И далее следует: «Homo sum, nihil mihi alienum humani puto [sic]»³⁸.

V

При том что Белинский неоднократно выражал свою приверженность слову и делу человечности, используя зачастую даже соответствующий немецкий термин («die Humanitaet»), вышеприведенных преце-

---

³² Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1954. Т. 5. С. 231, 233 (разрядка автора. – П.Т.).

³³ Там же. С. 105.

³⁴ Там же. Т. 10. С. 32.

³⁵ Там же. Т. 7. С. 164 (разрядка автора. – П.Т.).

³⁶ Там же. С. 339, 579 (разрядка автора. – П.Т.). См. также с. 502 и след.

³⁷ Там же. Т. 4. С. 83 и след. (разрядка и перевод в оригинале. – П.Т.).

³⁸ Там же. С. 84.

дентов словоупотребления, как кажется, вполне достаточно. Дискуссия о гуманности связана в трудах русского критика с тремя основными тематическими сферами.

Во-первых, это размышления о гуманизме и гуманности как о культурной основе образования и нравственности. Как и многие его современники, Белинский исповедовал идеальную веру в нормативный образ, который явился бы залогом полной и совершенной реализации человеческой сущности; преклонение перед совершенным накладывается на идеализм, энтузиазм корректируется разумом, из чего явствует отчетливый элемент критичности по отношению к романтизму³⁹. Совершенно не случайно именно Пушкин, но никак не Гоголь назван им «поэтом гуманности». Слова Теренция имеют самое непосредственное отношение к русской воспитательной концепции и реализовавшему ее жанру воспитательного романа, что, впрочем, нуждается в специальном исследовании.

Во-вторых, утверждая, что «человечество выше всякого народа», Белинский тем самым сдвигает в область относительного святого закливание своей литературной эпохи – идеал «народности». Стих Теренция – это своего рода расписка в космополитизме мышления, которая свидетельствует о преодолении национальных границ (и границ народности) и по своему характеру более приближается к «Welt»-Begriffen – понятиям «всемирности» у Гете (Weltverkehr – всемирное общение, Weltbildung – всемирное образование, Weltliteratur – всемирная литература)⁴⁰. В 1830 г. Гете заметил, что истинная культура дается только тем, кто «до некоторой степени возвышается над национальным» (разговор с Эккерманом от 14 марта 1830 г.)⁴¹. Человек выступает не столь-

---

³⁹ Среди многочисленных исследований, посвященных понятию гуманности, я назыву здесь лишь следующие: *Wolffheim H.* Wielands Begriff der Humanitaet. Hamburg, 1949; *Hoffmann H.* Die Humanitaetsidee in der Geschichte des Abendlandes. Bern, 1951; *Schalk F.* 'Humanitas' im Romanischen // *Schalk F.* Exempla romanischer Wortgeschichte. Frankfurt a. M., 1966. S. 255-294; *Rieks R.* Homo, humanus, humanitas. Zur Humanitaet in der lateinischen Literatur des ersten nachchristlichen Jahrhunderts. Muenchen, 1967; *Buck A.* Die humanistische Tradition in der Romania. Bad Homburg v.d.H.; Berlin; Zuerich, 1968.

⁴⁰ См. об этом: *Schrimpf H.J.* Goethes Begriff der Weltliteratur. Essay. Stuttgart, 1968. (Dichtung und Erkenntnis, Bd. 5).

⁴¹ Как раз в 1830 г. Гете записывает в дневнике: «Продолжил чтение Теренция. Приятнейшая театральная манера. <...> Вообще целомудрие, любезность и ясность изложения в высшей степени. Aliter pueri, aliter Grotius». Ср. также в «Безобидных ксениях IV» четверостишие:

Anders lesen Knaben den Terenz,
Anders Grotius.
Mich Knaben aergerte die Sentenz,
Die ich nun gelten lassen muss.

[Перевод: «Юноши иначе читают Теренция, // Иначе Гротция. // Меня, юношу, огорчали те нравственные истины, // Которыми я руководствуюсь сейчас.»]

ко как гражданин государства, сколько как гражданин мира. Приобщаясь к гуманности (человечности) как постоянно всемирной культуры, Россия тем самым уходит от вопроса, кто суть русские: азиаты, европейцы или русские. При этом себя и своих единомышленников Белинский провозглашает «европейскими русскими или русскими европейцами»⁴², отклоняя тем самым идеологию славянофилов: таким образом, преобладание «гуманности» над «народностью» вновь оказывается антиромантическим тезисом.

В-третьих, категория гуманности начинает доминировать не только над концепцией народности, но и над специфическим постулатом православия и тем самым – над всеобщими основами христианства. Признание способности человека к самосовершенствованию под знаком гуманности (человечности) является актом секуляризации этой способности, которая в таком случае противостоит христианскому идеалу смирения. Если человек от природы своей добр и способен возвыситься до человечности (гуманности), он гораздо меньше одержим жадной спасения и может самостоятельно избавиться от пессимизма, порожденного сознанием своей греховности. Гуманность и разум упраздняют проблему первородного греха, и не случайно критические замечания в адрес православия и церкви как института высказаны именно Белинским и Тургеневым. Все вышесказанное актуально также и для раннего творчества А.Н. Плещеева (1825–1893), который в 1846 г. предположил своему первому поэтическому сборнику «Стихотворения» слова Теренция в качестве эпитафии⁴³; вскоре после этого он был привлечен к следствию по делу Петрашевского и отправлен в ссылку.

VI

В феврале 1847 г. А.И. Герцен пишет Н.П. Огареву:

Кн. Одоевский много лет прискивает средства быть разом человеком Петербурга и человеком человечества, а удается плохо, он играет роль какой-то Zwittergestalt <...>⁴⁴.

В его же статье 1843 г., посвященной Грановскому, читаем:

---

⁴² Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 144.

⁴³ См. титульный лист изд.: Плещеев А.Н. Стихотворения. 1845-1846. СПб., 1846. Белинский, впрочем, расценил выбор эпитафии как проявление псевдоучености, см.: Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 36, 433. Журнал «Репертуар и пантеон» в 1844 г. высказал неудовольствие тем, что стих Теренция в качестве эпитафии используют и такие авторы, которые вообще не знают латыни (Репертуар и пантеон. 1844. Кн. 2. С. 474)! Чрезмерное использование, действительно, могло способствовать девальвации стиха.

⁴⁴ Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1961. С. 99.

Zwitter: гермафродит, Zwittergestalt – букв.: двуполовая фигура.

<...> многие смотрят на европейское как на чужое, почти как на враждебное, многие боятся в общечеловеческом утратить русское. Генезис такого воззрения понятен, но и неправда его очевидна⁴⁵.

Как полагает Герцен, подобные взгляды ложны постольку, поскольку большая жизненная сфера общечеловеческого всегда является высшей ценностью⁴⁶. Очевидно, что оба высказывания имеют в виду идеологию славянофильства. Как считает Герцен, некоторые ее приверженцы отличаются «антигуманными мыслями» и «не имеют тени гуманности». Их попытки соединить православие с философией Гегеля писатель называет «конкубинатом sui generis»⁴⁷.

Здесь будет далеко не лишним бросить взгляд и на письменное наследие славянофилов, тем более что и Белинский, и Тургенев высказывали в их адрес критические замечания по интересующему нас вопросу. И то, что латинская сентенция в качестве брошенной вскользь цитаты в текстах славянофилов присутствует, совсем не удивительно, поскольку слова Теренция буквально витали в воздухе. В начале 1851 г. Ю. Самарин с изрядной долей иронии сообщает С.Т. Аксакову о своей деятельности в канцелярии министерства внутренних дел:

Есть тысячи искушений, о которых я не думал прежде <...>. В этом отношении служебная деятельность способна, мне кажется, более всякой другой разочаровать человека на его собственный счет. Homo sum, nihil humanum [sic!] a me alienum esse puto – сказал кто-то из древних, а я повторяю про себя: я чиновник, и нет такой мерзости, которую бы я мог считать совершенно мне чуждою⁴⁸.

Очевидно, что стих «Homo sum» использован здесь как своего рода ширпотреб и пустая фраза, как общее место, функционирующее во множестве вариаций, что позволяет, вероятно, отметить некоторый упадок этого достояния высокой культуры. В подобном рецептивном контексте до некоторой степени даже удивительно присутствие цитаты в принадлежащей перу А.С. Хомякова программной редакторской статье,

---

⁴⁵ Герцен А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 112.

⁴⁶ Там же. С. 126.

⁴⁷ Там же. С. 389, 399, 258. Заметим, кстати, что хоть Герцен и знал слова Теренция, однако ошибочно приписывал их Эпиктету, ср.: Там же. С. 143. [«Конкубинат» – термин римского права, обозначающий форму брака «с меньшими юридическими последствиями», чем законный брак, как бы «полубрак». Мужчина при конкубинате не считал свою сожительницу женой; женщина не пользовалась гражданскими правами и общественным положением жены, а дети от такого брака считались незаконными и принадлежали к роду своей матери. – Примеч. переводчика.]

⁴⁸ Самарин Ю.Ф. Сочинения. М., 1911. Т. 12. С. 236. См. также случай словоупотребления, встречающийся у М.П. Погодина в 1858 г.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1902. Т. 16. С. 11.

в 1856 г. открывшей первый номер журнала «Русская беседа»⁴⁹. В статье делается попытка как-то согласовать «русский дух», идею по определению славянофильскую, с «чуждыми авторитетами» европейской мысли. Признавая для русского прогресса необходимость и дальше воспринимать важнейшие знания и духовные богатства от «европейских собратьев», автор утверждает, что это не должно вести к «самоуничижению» перед лицом возрастающей «духовной пустоты европейского просвещения». Коренные основы русской жизни, «община» и православие, должны остаться неприкосновенными. Комбинация западного знания и собственных духовно-этических традиций обязывает Россию стремиться занять первое место в рядах просвещенного человечества⁵⁰. Итог статьи гласит:

Таковы, любезный читатель, убеждения, которые «Русская беседа» должна выразить; содержанием же для нее может служить всякий предмет, относящийся к умственной жизни человека в ее личных или общественных проявлениях. В кругу общих интересов человечества и оставаясь верными правилу «*Homo sum, nihil humani a me alienum puto*», издатели будут всегда давать первое место тому, что будет прямее относиться до нашей отчизны и ее умственной жизни⁵¹.

Издатели «Русской беседы» вполне осознают натяжку, которая неизбежно возникает при попытке соединить идеи универсального просвещения с притязаниями русоцентристского толка, и даже стих «*Homo sum*» не может замаскировать их антипатии к «Западу», которая очевидно сквозит в соображении о том, что Россия повзрослела, она располагает еще не растраченными нравственными силами и вполне способна облагородить «ложь западного мира».

Как известно, подобные теории возникли самое позднее в 1840-х гг., вместе с появлением формулы «гнилой Запад». Показательно в этом отношении стихотворение Константина Аксакова, датированное 1848 г. но опубликованное лишь в 1861 г. в славянофильском журнале «День» под заголовком «Гуманисту»⁵². «Гуманист» изображен в нем как сибаритствующий эгоистический поклонник просвещенности, гордо, одиноко и самодовольно лелеющий свои абстрактные идеалы вдали от народа, тогда как полноценное, истинное бытие возможно только в народном «потоке» и «океане». «Народ» же интерпретирован как всеобщая первопричина, не чуждая и гуманистическому концепту элитарной ин-

---

⁴⁹ См.: *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений: 2-е изд. М., 1878. Т. 1. С. 544 и след.; То же: *Хомяков А.С.* Сочинения: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 515 и след.

⁵⁰ Русская беседа. М., 1856. Т. 1. С. I-VI.

⁵¹ Там же. С. IV.

⁵² Текст стихотворения см. в изд.: Поэты кружка Н.В. Станкевича. М.; Л., 1964. С. 406 и след. (Библиотека поэта. Большая серия).

дивидуальности, даже если эта последняя чувствует себя лишь продуктом универсальной человечности (*humanum*). Без этой народной перво-причины, как сообщается «гуманисту»),

<...> ты эгоист без силы,
И жизнь твоя прекрасная пуста,
Страдания вялы, и оружия гнилы,
порыв бесплоден и ложна мечта (Стихи 49–52).

По мнению Аксакова, уход в безотносительную теорию истины, добра и красоты исключает конкретное сострадание, и это губительно для альтруизма и чувства человеческой солидарности. Гуманист не плачет «вместе» с человеком, он плачет «над» ним, именно потому, что своей пространной любовью он обнимает все человечество и весь мир (стихи 9–10 и 24). И когда Аксаков определяет духовный багаж гуманиста эпитетом «гнилой», в нем явственно слышен отголосок штампа «гнилой Запад».

Это и ему подобные высказывания направлены против «космополитической» программы русских западников, просвещения и немецкой классической литературы – и, разумеется, в первую очередь против Гете и Шиллера (ср., например, первые стихи оды «К радости»: «*Seid umschlungen, Millionen, // Diesen Kuss dem ganzen Welt!*»⁵³). Главный герой эпического фрагмента Гете «Тайны» («*Die Geheimnisse*», 1784) носит программное имя Гуманус, которое делает его, при всей близости Гердеру и масонам, символическим воплощением наднационального и надконфессионального идеала человечности. Стихотворение Аксакова «Гуманисту» можно интерпретировать как откровенную типологическую антитезу образу Гумануса, не исключая при этом и прямой генетической связи двух упомянутых текстов.

Несколько позже славянофилы выразили свое критическое отношение к стиху Теренция открытым текстом, *expressis verbis*. Будучи в начале 1863 г. в Париже и посылая многочисленные корреспонденции в редакцию журнала «День», Иван Аксаков горько жалуется в них на заполонивших Запад «русских космополитов», которые отрицают все русское, преклоняются перед всем европейским и при этом слишком охотно, так сказать, «иностраниются»⁵⁴. В России они блещут абсентизмом и уклонением от гражданских обязанностей, за границей – отчуждением от народа – и, следовательно, «безнародностью». По мнению Аксакова,

---

⁵³ В пер. И. Миримского: «Обнимитесь, миллионы! // Слейтесь в радости одной!» (Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 149). Дословно: «Обнимаю <вас>, миллионы, // Этот поцелуй – всему миру!».

⁵⁴ Ср.: «<...> русский барин охотно и легко голландится, швейцарится, итальянится – и даже немечится <...>» (Аксаков И.С. Сочинения. М., 1886. Т. 2. Славянофильство и западничество. 1860-1886. С. 97).

охота за «общечеловечностью» превращает русскую дворянскую интеллигенцию в людей духовно безродных и тем самым – в буквально «лишних людей»⁵⁵. Вот здесь-то и появляется стих Теренция:

Латинское изречение гласит: homo sum, и проч., т.е.: я человек, и ничто человеческое мне не чуждо; Русский говорит: «Я человек, и потому все Русское мне чуждо; мне подавай – обще-человеческого», – а оно-то и не дается! Мало того: путешествуешь по Европе, живешь, кажется, со всем человечеством одною жизнью, а все-таки туземцы Европы смотрят на тебя как на празднотающего, как на лишнего и незваного гостя!⁵⁶

«Общечеловеческое» в этом пассаже рассматривается как некая абстрактная конструкция с дифферентом на евроцентризм, в которой теряется «русское» в своей конкретной и самобытной органике.

Как известно, теория «народности» окончательно оформилась около 1860-х гг. в так называемой «почвеннической» дискуссии. После первого заграничного путешествия (1862) Достоевский констатировал, что Европа – это дом для «буржуа», «прогрессиста» и «массового человека» («Ameisenmensch»), но никоим образом не для «величавой личности». Подражание Европе привело только к утрате «почвы» и русской идентичности. Представления об утрате корней можно, по Достоевскому, выразить следующим образом:

<...> почвы нет, народа нет, национальность – это только известная система податей, душа – tabula rasa, вошичек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, общечеловека всемирного, г о м у н к у л а – стоит только приложить плоды европейской цивилизации да прочесть двести книжки⁵⁷.

Дискредитируя идеальный образ Гумануса, Достоевский замещает его карикатурным изображением Гомункулуса. Гуманизм западнической ориентации интерпретирован им не как органичное явление, а как бесформенное искусственное изделие, которое в конце концов приходит в противоречие с органической сутью народного духа. Поэтому Достоевский не скрывает досады, отмечая, что многие русские знают Европу несравненно лучше, чем Россию⁵⁸. Стих Теренция, впрочем, хорошо известен писателю, он цитирует его неоднократно⁵⁹.

---

⁵⁵ См.: Аксаков И.С. Сочинения. Т. 2. С. 96-102.

⁵⁶ Там же. С. 102.

⁵⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1973. Т. 5. С. 59 («Зимние заметки о летних впечатлениях». Разрядка моя. – П.Т.).

⁵⁸ Ср.: Там же. С. 46. Разумеется, этот упрек не нов, ср., напр.: «Велико незнание России посреди России. Все живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей» (Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М., 1952. Т. 8. С. 308). См. также с. 311.

⁵⁹ См.: Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 6. С. 215 («Преступление и наказание»); Т. 16. С. 155 (Черновые варианты романа «Подросток»); Т. 29/1. С. 128 (Письмо к Н.Н. Страхову от июня 1870).

На позицию одного из первых западников – и, соответственно, первого погубителя России – славянофильская историософия обычно помещает Петра I. Критические воззрения славянофилов на деятельность царя-реформатора высказывались главным образом в дискуссии с представителями русской историографической школы так называемых государственников (С. Соловьев, Б. Чичерин и др.). С их точки зрения, Петр несет всю полноту ответственности за то, что Россия, отданная во власть чуждых национальному характеру рационализма, космополитизма и атеизма, утратила свои корни в результате гипертрофированной европеизации. Разумеется, западники видели эту проблему совершенно иначе. В обзоре исторических сочинений, посвященных Петру Великому (1841), Белинский излагает основы своей историософии и расценивает царя-реформатора как «величайшее явление» не только русской истории, но и «истории всего человечества». Только великие личности творят историю, будучи воплощением «духа народа», и только великие народы воплощают в себе «идею человечества»⁶⁰. Содержанием истории могут быть только «судьбы человечества». В самом начале рецензии критик задается риторическим вопросом:

Что такое любовь к своему без любви к общему? Что такое любовь к родному и отечественному без любви к общечеловеческому? Разве русские сами по себе, а человечество само по себе? Сохрани бог!⁶¹

В описанном контексте и в свете предпринятого нами исследования неудивительно и то, что далее Белинский применяет к деятельности Петра Великого слова Теренция:

Итак, разве Петр Великий – только потому велик, что он был русский, а не потому, что он был также человек и что он более нежели кто-нибудь имел право сказать о самом себе: я человек – и ничто человеческое не чуждо мне?⁶²

Закономерен и предпосланный его рецензии эпиграф из «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина:

Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских; и что англичане и немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!⁶³

---

⁶⁰ Белинский В.Г. Указ. соч. Т. 5. С. 95.

⁶¹ Там же. С. 91.

⁶² Там же. С. 92 (разрядка автора. – П.Т.).

⁶³ Там же. С. 91 (разрядка авторов. – П.Т.). Для сравнения см.: Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 418. Однако в указанном издании Карамзина слово «славянами» графически не выделено.

В сознании Белинского Теренций оказывается соотнесен с «возвышенной человечностью» («erhoehtes Menschentum»⁶⁴) Карамзина и гегелевской концепцией истории. При этом само собой разумеется, что «мертвый космополитизм» и «квасной патриотизм»⁶⁵ чужды критике в равной мере. Славянофилам все это представлялось совершенно иначе – и слова Теренция они тоже интерпретировали в другом ключе⁶⁶.

Апелляция Белинского к Карамзину далеко не случайна. Карамзин воспринимает Петра Великого как «славного монарха», который принес просвещение и культуру в Россию, до тех пор на многие века отстававшую от Запада в своем развитии. При Петре же Россия почти сравнялась с европейским уровнем⁶⁷. Прибегая к логической модели *translatio artium*, Карамзин замечает:

Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами <...>. Какой народ не перенимал у другого? И не должно ли с р а в н я т ь с я , ч т о б ы п р е -
в з о й т и?⁶⁸

Словоупотребление всех лексем, входящих в семантические поля понятий «просвещение» и «человечество», эмфатически окрашено в «Письмах русского путешественника», и слова Карамзина «я с гордостью помышляю о своем человечестве»⁶⁹ с тем же успехом мог бы произнести и Белинский. Как это уже было отмечено выше, духовно-исторический генезис этой эмфатики восходит в том числе и к идеалу гражданина мира, и идеалу гуманности в Германии XVIII в. Устами своего героя Аристиппа Виланд провозглашает:

Люди становятся людьми не для того, чтобы стать затем г р а ж д а -
н а м и, напротив, гражданином нужно стать затем, чтобы сделаться ч е -
л о в е к о м <...>. Следовательно, не гражданин выше человека, как это
обыкновенно думают, но напротив, человек выше гражданина. <...> Итак, я

---

⁶⁴ Определение Г. Роте в его кн.: *Rothe H. N.M. Karamzins europaeische Reise: Der Beginn des russischen Romans*. Bad Homburg v.d.H.; Berlin; Zuerich, 1968. S. 117 и след.

⁶⁵ Ср.: *Белинский В.Г.* Указ. соч. Т.5. С. 132.

⁶⁶ Однако это не всегда верно применительно к ранним славянофилам. И.В. Киреевский, например, не мог представить себе будущее России без «просвещения всемирного» и «просвещения общечеловеческого»; соответственно, и Петр I для него – «великий создатель новой России». См.: *Киреевский И.В.* Девятнадцатый век // *Европеец*. 1832. / Подгот. Л.Г. Фризман. М., 1989. С. 5-20, 303-320. (Литературные памятники. Малая серия). Идеал просвещения И.В. Киреевского был расценен цензурой как опасное вольномыслие, и журнал был запрещен на втором номере.

⁶⁷ См.: *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 417.

⁶⁸ Там же. С. 416 (разрядка автора. – *П.Т.*). О модели *translatio* см.: *Thiergen P.* Translationsdenken und Imitationsformeln. Zum Selbstverstaendnis der russischen Literatur des XVIII. und XIX. Jahrhunderts // *Arcadia*. 1978. № 13. S. 24-39.

⁶⁹ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 207.

почитаю мое человечество, или, что есть одно и то же, мое всемирное гражданство, всем самым высоким, что ни есть во мне⁷⁰.

Первый вопрос Карамзина, прибывшего в Веймар через Наумбург в июле 1789 г., гласил: «Здесь ли Виланд? Здесь ли Гердер? Здесь ли Гете?»⁷¹ Конечно же, он, как это хорошо нам известно, основательно проштудировал труды великих веймарцев перед тем, как лично посетить их авторов⁷².

VII

Последствия высокой рекуррентности стиха «Homo sum» сказались очень скоро: сентенция обрела способность генерировать многочисленные варианты и контрафактуры. Историк С.М. Соловьев (1820–1879), отец философа Вл.С. Соловьева, констатируя в одном из своих «Исторических писем» (1859) факт принадлежности России к семье европейских народов, подтвердил эту связь вариацией на тему Теренция: «Мы европейцы, и ничто европейское не может быть нам чуждо»⁷³. Несколько лет спустя Владимир Герье в вышеупомянутом труде, посвященном Соловьеву, не только процитировал это высказывание с целью подтвердить им западническую ориентацию и гуманистические основы мировоззрения историка⁷⁴, но и развил его следующим образом:

С.М. Соловьев направил русскую историографию на верный путь: ни его патриотизм, ни его преданность православной церкви не мешали ему считать себя европейцем и требовать от Русского общества, чтобы европейское ему не было чуждо. Он сделал более: он доказал своей историей, что

---

⁷⁰ *Wieland C.M. Saemmtliche Werke. Leipzig, 1800. Bd. 33. S. 205 и след.* (перевод мой. – *О.Л.*). Несколько выше (с. 197) писатель утверждает, что «благороднейшим образом жизни» является позиция «гражданина мира» (разрядка автора. – *П.Т.*). Древний идеал *Kalokagathos*, по Виланду, соответствует английскому «Gentleman» и французскому «Galanthomme»; в моральном смысле «*Kalokagathos*» означает «прекраснодобрый» или «благороднодобрый» (*Ibid.* S. 394). Взаимосвязь понятия «гражданин мира» и постулата гуманности для той эпохи несомненна и подтверждается многочисленными примерами; в качестве источника информации по этому вопросу можно воспользоваться изд.: *Kosmopolit. Eine Monatsschrift zur Befoerderung wahrer und allgemeiner Humanitaet. Bd. 1-3. Halle, 1797-1798.*

⁷¹ *Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 1. С. 171.*

⁷² Описание этих визитов см.: Там же. С. 171 и след. См. также: *Harder H.-B. Nikolaj Karamzin und die philosophisch-literarischen Kreise in Koenigsberg, Berlin; Weimar; Zuerich // Befoerderer der Aufklaerung in Mittel- und Osteuropa: Freimaurer, Gesellschaften, Clubs (Hgg. Balázs É.H. et al.). Berlin, 1979 (Studien zur Geschichte der Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa. Bd. 5). S. 304-319.*

⁷³ *Соловьев С.М. Исторические письма III // Русский вестник. 1859. № 3-4. С. 6. То же: Соловьев С.М. Сочинения. СПб., 1882. С. 262.*

⁷⁴ См.: *Герье В. Указ. соч. С. 85. (Немецкий перевод: Historische Zeitschrift. 1881. № 45. S. 59).*

стремление к европейской науке и общечеловеческому просвещению есть исконное стремление в России, есть национальное стремление⁷⁵.

В конце 1862 г. в нескольких своих письмах к Герцену И.С. Тургенев утверждает, что Россия принадлежит к европейскому роду («genus Europaeum») и, следовательно, должна идти тем же путем, что и Европа, и себя самого именуется «европеусом»⁷⁶.

Соловьевская декларация европеизма незамедлительно вызвала ответную реакцию – подобно тому, как это уже было в случае с полемикой западников и славянофилов по поводу «Номо сум». Среди оппонентов историка следует назвать прежде всего естествоиспытателя и публициста Н.Я. Данилевского (1822–1885), который приобрел известность около 1870 г. своим столь же нашумевшим, сколь и спорным трактатом «Россия и Европа»⁷⁷, до сих пор являющимся одним из программных основополагающих трудов теории панславизма⁷⁸. Резко отвергая концепцию европейской культуры как нормативной основы и мерила для культуры мировой и предлагая универсальное учение об историко-культурных типах, Данилевский утверждает, что Европа с ее романо-германской цивилизацией – это не более чем односторонний и частный историко-культурный тип, к традиции которого Россия не принадлежит прямо. И предпринятые начиная со времен Петра I «прививка», или «усыновление», европеизма ничего не смогли изменить в этом положении вещей. По мнению Данилевского, универсальные законы исторического развития – это нелепость, и их признанием русские «европейцы» и «человеколюбивые прогрессисты» России оскорбили «святое чувство народности». Россия обладает врожденным правом на собственную культуру – в противном случае она была бы по отношению к Европе не более чем «гигантски лишним <...> плеоназмом»⁷⁹. К рассууж-

---

⁷⁵ Герье В. Указ. соч. С. 109 (Historische Zeitschrift. 1881. № 45. S. 98). Другие факты, свидетельствующие о подобном умонастроении, см. в.: Thiergen P. Wilhelm Heinrich Riehl in Russland (1856-1886). Studien zur russischen Publizistik und Geistesgeschichte der zweiten Haelfte des 19. Jahrhunderts. Giessen, 1978. S. 18-21.

⁷⁶ См.: Тургенев И.С. Указ. соч. Письма. Т. 5. С. 67, 73.

⁷⁷ Текст книги печатался в течение 1869 г. в журнале «Заря» из номера в номер, после чего вышел отдельным изданием в 1871 г. в Петербурге и неоднократно переиздавался (5-е изд. – 1895).

⁷⁸ Библиографическую справку о Н.Я. Данилевском см.: Русские писатели, 1800-1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 83-84 (Ст. Ш.А. Гумерова). См. также: Schelling A. von. Russland und der Westen im russischen Geschichtsdenken der zweiten Haelfte des 19. Jahrhunderts. Aus dem Nachlass hg. u. bearb. von H.-J. Torke. Berlin, 1989 (FOG. Bd. 43). S. 79-114 (Kap. II. «N.Ja. Danilewskijs Geschichtsphilosophie»).

⁷⁹ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Изд. испр. и доп. СПб., 1871. С. 54-71 (Гл. III: «Европа ли Россия?»). См. также сокращенный перевод на немецкий язык, выпол-

дениям о человечестве какого-нибудь Шиллера, Чаадаева или русских западников с их теориями «европеизма и гуманитарности» Данилевский относится с откровенной насмешкой. Девиз «Europaеus sum et nihil europaеi a me alienum esse puto» для него означает лишь то, что, начиная с Петра I, русскому дичку силой навязывают «европейский черенок» с тем, чтобы сделать из России отводок Европы, предназначенный для европейской культурной колонизации азиатских территорий⁸⁰. «Европейничанье» Данилевский квалифицирует как «болезнь русской жизни»⁸¹.

На публикацию первой главы книги «Россия и Европа» в журнале «Заря» незамедлительно отреагировал Достоевский. В марте 1869 г. он пишет Н.Н. Страхову:

Статья же Данилевского, в моих глазах, становится все более и более важною и капитальною. Да ведь это – будущая настольная книга всех русских надолго⁸².

Несколько ниже он замечает, впрочем, что Данилевский недооценивает русского православия, призванного спасти человечество в качестве *lux ex oriente*:

Все назначение России заключается в православии, в свете с Востока, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа⁸³.

И далее он жалуется о том, что в России все еще слишком много «Плещеевых» и «Тургеневых», приверженных просвещению и духовно задержавшихся в «либерально-гуманных временах Белинского»⁸⁴. В «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский выразится в том смысле, что русское «окно в Европу» окончательно сыграло свою роль⁸⁵.

Уже в середине XIX в. этой дискредитации Европы и критике формулы «Europaеus sum», варьирующей фразу Теренция, был противопоставлен ее прославянский антоним. В статье «Наша университетская наука», напечатанной в 1863 г. в журнале «Русское слово», Д.И. Писарев упоминает своего бывшего однокурсника, который уже в 1850-е гг. предался «панславянскому патриотизму» и имел обыкновение выставлять на своих конспектах эпитаф: «Slavus sum et nihil slavici a me

---

ненный Карлом Нётцлем: *Danilevsky N.J. Russland und Europa <...>*. Stuttgart; Berlin, 1920. S. 15-34 (Глава «Ist Russland Europa?» здесь является первой).

⁸⁰ Ср. вышеуказ. изд. 1871 г. С. 61 и след. (Noetzel: S. 23 и след.).

⁸¹ Изд. 1871 г. С. 278 и след.

⁸² *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 29/1. С. 30.

⁸³ Там же. С. 146 (разрядка автора. – *П.Т.*).

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. Т. 23. С. 39 и след.

alienum esse puto»⁸⁶. Однако же, как иронически замечает Писарев, эта мания была распиской в «духовном кастратстве», а пресловутый эпиграф «Slavus sum» низвел «чудесные слова “Homo sum, et nihil humani...”» до уровня низкопробной пародии⁸⁷.

Итак, начиная с середины 1840-х гг. мы можем констатировать очевидную повторяемость интеллектуальных моделей русского самосознания, важным индикатором которой служит афоризм Теренция – и даже усечение или видоизменение его текстовой формы еще более активно вовлекает его в идеологическую дискуссию. Универсальная формула «Homo sum» расщепляется на две подчиненные формулировки, которые своим противостоянием маркируют идеологический антагонизм западников и славянофилов, «русских европейцев» и «панславистов». Таким образом, афоризм Теренция играет важную роль в самых ожесточенных столкновениях по поводу культурной идентичности и духовного предназначения России.

*

Представляется возможным кратко подытожить этот обзор следующей версией. В 11-й книге романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», посвященной атеисту и косвенному отцеубийце Ивану Карамазову, герой в горячечном бреде переживает встречу с чертом, образ которого может быть интерпретирован как персонифицированное «худшее я» Ивана, изрекающее тем не менее «вещи оригинальные» и среди них – такую: «Satana sum, et nihil humanum a me alienum puto» («Я – Сатана, и ничто человеческое мне не чуждо»)⁸⁸. Независимо от недвусмысленно иронического контекста, порождающего это изречение, очевидно, что формула гуманности претерпевает катастрофическую инверсию, смысл которой клонится к тому, что все дьявольское принадлежит к природе человека – или наоборот. Соответственно, романский финал оставляет в сфере гадательного ответ на вопрос, возможно ли для Ивана Карамазова спасение или же он безнадежно впадает в безумие. Гуманность, с одной стороны, и максима Ивана «все дозволено» – с другой,

---

⁸⁶ Писарев Д.И. Сочинения: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 169. Речь идет о слависте В.В. Макушеве (1837-1883), который позже стал профессором Варшавского университета. Его учителем был И.И. Срезневский. См. некролог со списком трудов Макушева в кн.: *Русский филологический вестник*. Варшава, 1883. Т. 9. С. 137-155.

⁸⁷ Писарев Д.И. Указ. соч. Т. 2. С. 169 и след.

⁸⁸ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 15. С. 74. Ср. также: С. 335. Аспектам проблемы, которые не затрагиваются в настоящем исследовании, посвящена статья: Wegner M. Satan sum et nihil humanum a me alienum puto! Zu den Teufelsgestalten bei Thomas Mann und Fedor Dostoevskij // «Primi sobran'e pestrych glav». Slavistische und slavenkundliche Beitrage fuer Peter Brang zum 65. Geburtstag. Hg. von C. Goehrke et al. Bern, 1989 (Slavica Helvetica. Bd. 33). S. 367-378.

исключают друг друга. Возможно также и то, что принадлежащий Достоевскому вариант стиха Теренция «Satana sum» скрывает под собой установку на целенаправленное пародирование декларации гуманизма. Наряду с вышеприведенной инвективой в адрес гомункулуса это предположение можно подтвердить и автохарактеристикой Свидригайлова: «<...> что и я человек есмь, et nihil humanum...»⁸⁹, которая откровенно инвертирует доминирующую в эту эпоху интерпретацию слов Теренция как декларации гуманистического идеала. Душевнобольной сластолюбец и впоследствии самоубийца Свидригайлов, как негативный двойник Раскольникова, воплощает собою как раз не человеческое, но именно зверски-варварское начало в духе маркиза де Сада⁹⁰. Так под пером Достоевского слова «Homo sum» становятся составным элементом дискуссии о *сверхчеловеке*: этот последний концепт писатель в пылу полемики склонен интерпретировать сугубо иронически: как разрушительное следствие и продукт распада космополитической идеи гуманности.

VIII

Вернемся к тому вопросу о рецепции афоризма за пределами русской традиции, который уже возникал в начале нашего исследования. Делон, Джослин и Лефевр собрали соответствующие свидетельства⁹¹, число которых легко умножить дополнительными подтверждениями⁹². В космополитической мысли французского Просвещения и в возрожденном немецком гуманизме формула Теренция функционировала как своего рода программный концентрат спрессованной мысли, *in puse*. Образованная Россия свободно ориентировалась в обоих этих языковых ареалах, и нам следует исходить из того, что русская рецепция афоризма Теренция тесно связана с его историей в духовном пространстве Европы. Здесь необходимо указать, прежде всего, на Иоганна Готфрида Гердера и его влияние на Россию и славянский мир в целом⁹³. Гердер неоднократно и акцентированно использовал цитату из Теренция. На-

---

⁸⁹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 6. С. 215 («Преступление и наказание», ч. IV, гл. 1); этот пример приводится в словаре Бабкина и Шендцова (Т. 2. С. 155; словарная статья «Nihil humani (humanum)»).

⁹⁰ См. об этом: *Neuhaeuser R. Dostojewskij; Schuld und Suehne // Der russische Roman. Hg. von B. Zelinsky. Duesseldorf, 1979. S. 168, 175, 185.*

⁹¹ См. выше, примеч. 5 и 7.

⁹² Здесь уместно вспомнить статью «Sur Térence» Д. Дидро, который в 1765 г. назвал Теренция «величайшим гением древнего Рима», засвидетельствовав, что его комедии «были известны почти наизусть» большинству писателей (*Diderot D. Aesthetische Schriften. Hg. von F. Bassenge. Bd. 1. Frankfurt a. M., 1968. S. 499, 502 и след.*).

⁹³ Из обширной литературы по этому вопросу назову лишь работу: *Drews P. Herder und die Slaven. Materialien zur Wirkungsgeschichte bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Muenchen, 1990 (Slavistische Beitrage. Bd. 267).*

чина с первого издания 1786 г. вторая часть его труда «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» (русский перевод: «Мысли, относящиеся до истории человечества». СПб., 1829) открывается латинским эпиграфом – фразой Теренция в ее полном текстовом составе⁹⁴. В труде Гердера постулирован не только идеал гуманности⁹⁵: он содержит и знаменитую, повсеместно известную в славянских культурах так называемую «Славянскую главу» (Ч. 4, кн. 16, гл. 4). Далее следует назвать «Briefe zu Befoerderung der Humanitaet» (1793–1797; «Письма о поощрении гуманности»), где фраза Теренция в ее немецкой транслитации «Ich bin ein Mensch, <...> und nichts was die Menschheit betrifft [sic] ist mir fremde» появляется уже в самом начале⁹⁶. В следующих главах «Писем» Гердер упоминает имя Бенджамина Франклина, называя его одним из своих «любимцев в нашем столетии»⁹⁷. Что касается Франклина, то он тоже цитирует стих «Homo sum»⁹⁸. Очевидно, что слово Теренция, репрезентативное во всей Европе, раньше или позже должно было достигнуть России⁹⁹. Среди русских писателей его одним из первых употребил В.Т. Нарезный (1780–1825), выставив латинский стих в его полном текстовом составе эпиграфом к роману «Российский Жилбаз» на титульном листе его первого издания (1814)¹⁰⁰. Поэтому эпитет «русский просветитель», традиционно сопутствующий вплоть до сего дня имени Нарезного, принадлежит писателю по праву¹⁰¹.

IX

Предполагая, что идеология «национального возрождения», романтизма и позже – славянофильства не могла не прийти в столкновение с наднациональным девизом «Homo sum», бросим взгляд на западнославянскую письменность и убедимся, что так это и было. В Бо-

---

⁹⁴ Herders Saemmtliche Werke. Hg. von B. Suphan. Berlin, 1887. Bd. 13. S. 205.

⁹⁵ См.: Harder H.-B. Johann Gottfried Herder als Kuender der Humanitaet // Der Beitrag ostdeutscher Philosophen zur abendlaendischen Philosophie (Hgg. F.B. Kaiser u. B. Stasiewski). Koeln; Wien, 1983 (Studien zum Deutschum im Osten. N. 16). S. 25-39.

⁹⁶ Herders Saemmtliche Werke. Bd. 17. S. 5. У Гердера эта фраза выделена разрядкой.

⁹⁷ Ibid. С. 7.

⁹⁸ Ср.: Lefevre. Op. cit. 1994. S. 39.

⁹⁹ О русских переводах Теренция в XVIII в. см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1966. Т. 3. С. 218. В русском литературоведении о семантике понятия Теренция «человечность» см.: Савельева Л.И. Художественный метод П. Теренция Афра. Казань, 1960. С. 72.

¹⁰⁰ Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова. Сочинение Василия Нарезного. Ч. 1. СПб., 1814. Источник эпиграфа указан сокращенным именем писателя в латинской транслитации: «Terent.».

¹⁰¹ См. об этом: Нарезный В.Т. Российский Жилбаз <...>. Петрозаводск, 1983. С. 536 и след. (Послесловие); Русские писатели: Биобиблиографический словарь / Под ред. П.А. Николаева. М., 1990. Т. 2. С. 63 и след. (Словарная статья «Нарезный»).

гемии Йозеф Добровски (1753–1829) примерно в это же время приходит к идее сосуществования «češství» и «evropanství», «slovanská humanita» и «klasická humanita»¹⁰², т.е. славянской и классической гуманности. Далее этот диалог этических категорий упирается в ту же оппозицию «homo sum» – «slavus sum»¹⁰³. В мае 1814 г. польский ученый немецкого происхождения Г.С. Бандтке полностью цитирует стих Теренция в письме к Добровскому¹⁰⁴; ту же цитату, но без анакрузы (ее начального элемента) «homo sum» находим в письме В.А. Вершаузера, написанном в мае 1797 г.¹⁰⁵ Напротив того, следующее поколение, исповедующее уже идеал объединения славян, провозгласило контрдевич «Slavus sum» устами Яна Коллара (1793–1852). Во второй, расширенной редакции своего труда «O literaturněj vzájemnosti» (1836), которая была опубликована на немецком языке, Коллар замечает в параграфе 4:

В наше время недостаточно быть хорошим русским, ревностным поляком, совершенным сербом, высокообразованным богемцем, недостаточно говорить только и исключительно на русском, польском, богемском наречии. Эти односторонние времена детства славянской нации давно позади, дух нынешнего славянства возлагает на нас иную, высшую обязанность, а именно: считать всех славян братьями в одной большой семье, создать общую всеславянскую литературу на том основании, что: *S l a v u s s u m, nihil Slavici a me alienum esse puto*¹⁰⁶.

По мнению Коллара, самим ходом translationis artium славяне предназначены к тому, чтобы стать «творцами новой культурной эпохи»¹⁰⁷. Одновременно они являются и носителями подлинной гуманности, поскольку

---

¹⁰² См.: *Ludvíkovský J. Dobrovského klasická humanita*. Bratislava, 1993.

¹⁰³ Эта последняя вариация имеет параллели во французских формулах «Gallus sum»: см. об этом: *Delon*. Op. cit. P. 294 (примеч. 7 наст. ст.)

¹⁰⁴ См.: *Korrespondence Josefa Dobrovského. Díl 2. Vzájemné dopisy Josefa Dobrovského a Jiřího Samuele Bandtkého z let 1810-1827*. Hg. von V.A. Francev. Praha, 1906. S. 67.

¹⁰⁵ См.: *Spisy a projevy Josefa Dobrovského. Sv. 21 (Dopisy J. Dobrovského s V.A. Veršauerem a V. Krčmou)*. Praha, 1937. S. 50.

¹⁰⁶ *Johann Kollár. Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Staemmen und Mundarten der slavischen Nation. (Aus dem Slawischen, in der Zeitschrift Hronka gedruckten, ins Deutsche uebertragen und vermehrt vom Verfasser [sic]). Pesth, 1837. S. 12 и след. (разрядка автора. – П.Т.). См. также: Jan Kollár. Rozpravy o slovanské vzájemnosti*. Hg. von M. Weingart. Praha, 1929. (Knihovna slovanského ústavu v Praze. Sv. 1). S. 45 и след.; см.: *Ibid.* S. XXII (предисловие М. Вейнгарта) и S. 174 (перевод немецкой редакции на чешский язык, выполненный Я. Слав. Томичеком в 1853 г.). – Формулировка Коллара «на том основании» позволяет предположить, что слова «Slavus sum» в данном случае являются цитатой.

¹⁰⁷ *Jan Kollár*. Hg. von M. Weingart. S. 111.

У других народов гуманность еще подчинена национальности, у славян же, напротив, национальность подчинена гуманности¹⁰⁸.

Итак, очевидно, что попытка Коллара упразднить дивергенцию понятий «человечность» и «славянство» встречает сопротивление со стороны того собственного смысла, которым нагружен видоизмененный вариант постулата гуманности «*Homo sum*»; и далеко не случайно М. Вейнгарт называет идеи Коллара «чешским вариантом польского мессианизма и русского славянофильства»¹⁰⁹.

Вскоре после работ Коллара, посвященных идее славянской общности, в 1842–1843 гг. в Варшаве начало выходить двуязычное периодическое издание с двойным русско-польским названием: «Денница – *Jutrzenka*» и соответствующим двойным подзаголовком: «Словянское обозрение – *Przegląd słowiański*». Его издателем был русский филолог Петр Дубровский (1812–1882), на его страницах – на русском и польском языках с параллельными текстами – печатались статьи славянской тематики, почему это издание и вплоть до настоящего времени считается «первым всеславянским журналом»¹¹⁰. Идеологическую позицию журнала определяло в первую очередь стремление способствовать сближению России и Польши, что вызывало среди польской интеллигенции неоднозначную реакцию, в том числе и упреки в тенденциозной направленности к русификации Польши¹¹¹. Эпиграфом этого издания стала вариация Коллара на тему Теренция: «*Slavus sum, nihil slavici a me alienum esse puto*»; его ежемесячная периодичность, несомненно, способствовала соответствующему распространению максимы. В редакторской статье, открывающей первый номер за 1842 г., издатель полемизирует с карамзинской концепцией «гражданина мира», с его постулатом «Все народное ничто перед человеческим» – и, следовательно, с утверждением: «Главное дело быть людьми, а не славянами»¹¹². В этом пункте Дубровский не разделяет восторга Карамзина перед Виландом и Гер-

---

¹⁰⁸ *Jan Kollár*. Hg. von M. Weingart. S. 113.

¹⁰⁹ *Ibid.* S. XX. Предрасположение Добровского к «славянскому мессианизму» показано в исследовании: *Udolph L.* Sed gaudeo me Bohemum adpellari, cum sim. Anmerkungen zur Slavenideologie bei Josef Dobrovský // *Festschrift fuer Hans-Bernd Harder zum 60. Geburtstag*. Hg. von K. Harer u. H. Schaller. Muenchen, 1995. S. 547-555.

¹¹⁰ Ср. это определение в справке о Дубровском: *Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь*. М., 1992. Т. 2. С. 192. Библиогр. список на с. 193.

¹¹¹ Ср. краткую характеристику издания в кн.: *Literatura polska: Przewodnik encyklopedyczny*. Warszawa, 1984. Т. 1. С. 405. См.: *Ibid.* S. 214 (справка о Дубровском). Также см.: *Цыбенко Е.З.* Из истории польско-русских литературных связей XIX-XX вв. М., 1978. С. 53-58.

¹¹² См. приведенный в параграфе VI факт сочувственной цитации этого же карамзинского постулата Белинским (примеч. 63).

дером, тогда как луч девиза Коллара «*Slavus sum*» просиял, благодаря «Деннице», даже в южных славянских странах¹¹³.

Х

В средневековой Европе Теренций был одним из излюбленных школьных авторов, но, несмотря на то, что интерпретация стиха «*Homo sum*» была предпринята еще в античности, начиная с Цицерона и Сенеки, в Средние века этот стих не достиг ни статуса руководящего принципа, ни такой популярности, как это случилось на рубеже XVIII–XIX вв.¹¹⁴ Актуальное значение он приобрел в эпоху Просвещения и неогуманизма, во времена Гете, на почве, подготовленной идеологией эпохи Возрождения. Герман Август Корфф заметил по этому поводу: «Идея гуманности и гуманистического идеала есть знак мировосприятия, <...> характеризующего новое время. Это идеал, конституирующий духовность современного, независимого, естественного человека. Для средневекового типа сознания жизнь была, прежде всего, служением, служением в земном царстве Бога, служением во имя венца бытия и исцеления души. Гуманистический идеал является чисто натуралистическим. Он подчиняет человека естественному назначению всех биологических существ и не предлагает ему иных задач, кроме самоосуществления, самораскрытия и полного прохождения своего жизненного круга. <...> Этот идеал <...> акцентирует всестороннее и равномерное проявление нашей человечности. Он ориентируется на слова Теренция, стяжавшего себе славу утверждением, что ничто человеческое не осталось ему чуждо. Он возвысил *uomo universale*, человека вообще, до степени верховного идеала»¹¹⁵.

Эмфатическая насыщенность понятия «человек» в XVIII в. включает в него идею просветляющего просвещения, веру в разум, способность к совершенствованию; поэтому все более важными становятся как понятие «гражданин мира», так и представления о естественном праве.

---

¹¹³ См. об этом: *Georgijević K. Kollárova ideja slovenske uzajamnosti kod Hrvata i Srba (Nacr za studiju) // Slovanská vzájemnost 1836-1936. Sbornik prací k 100. výročí vydání rozpravy Jana Kollára o slovanské vzájemnosti. Hg. v. Jiří Horák. Praha, 1938. S. 63-95. О фактах использования фразы «*Homo sum*» в Польше см.: *Czapiński L. Księga przysłów, sentencji i wyrazów łacińskich, używanych przez pisarzy polskich. Warszawa, 1892. S. 207* и след.*

¹¹⁴ См.: *Curtius E.R. Europaeische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern; Muenchen, 1965*. В этой работе довольно часто упоминается Теренций, но ни разу – афоризм «*Homo sum*». То же самое можно сказать и о сборнике «*Antika a česká kultura*» (Praha, 1978). В исследовании М.П. Алексеева «*Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси (XVI-XVII вв.)*» (в кн.: *Алексеев М.П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 5-32*) имя Теренция вообще отсутствует.

¹¹⁵ *Korff H.A. Geist der Goethezeit. Versuch einer ideellen Entwicklung der klassisch-romantischen Literaturgeschichte. II. Teil: Klassik. Darmstadt, 1974. S. 115* (разрядка автора. – *П.Т.*) См. также Teil I: *Sturm und Drang. S. 26*.

Общечеловеческий девиз – «Homo sum» – затмевает пессимизм сентенции «Homo homini lupus est». В историографии возникает концепция «всеобщей истории», которая, по мнению Людвиг Аугуста Шлецера, «находит, что люди на всех степенях люди», что теперь нужно писать не «частную историю» («Spezialgeschichte»), но «историю человечества»¹¹⁶. Генрих Гейне верит, что не «патриотическая узколобость», но «гуманность» и «воплощенный космополитизм» могли бы определить всеобщее умонастроение Европы¹¹⁷.

Несколько позже Т.Н. Грановский становится основоположником русской всеобщей историографии, которая в своей приверженности к всемирной истории человечества и к свободе научной мысли неизбежно вступает в конфликт со славянофильством и самодержавием¹¹⁸. Грановский даже был вынужден защищаться от предъявленного ему церковью и цензурой обвинения в духовном развращении юношества¹¹⁹. Русские западники, такие как Белинский, Тургенев, Станкевич, Грановский, Соловьев и Герье, словом и делом отстаивали гуманистические воззрения и в этом сближались с теми немецкими мыслителями, девизом которых тоже были слова Теренция. Когда Станкевич в 1830-х гг. посетил Прагу, его оттолкнул «национализм» Палацкого и Шафарика, так что он заметил:

Чего хлопочут люди о народности? Надобно стремиться к человеческому, свое будет поневоле <...>. Выдумывать или сочинять характер народа из его старых обычаев, старых действий – значит хотеть продлить для него время детства: давайте ему общее человеческое и смотрите, что он способен принять, чего недостает ему? Вот это угадайте, а поддерживать старое натыжками – это никому не годится¹²⁰.

И те писатели, которые не могут быть причислены *eo ipso* к западникам в строгом смысле слова, такие, например, как И.А. Гончаров, все же глубоко укоренены в гуманистической мысли и ее западных источниках¹²¹.

---

¹¹⁶ См.: *Schloezer L.A. Vorstellung seiner Universal-Historie (1772/73). Mit Beilagen. Hg., eingel. u. komm. von H.W. Blanke. Hagen, 1990 (Beitraege zur Geschichtskultur, Bd. 4). S. 36.*

¹¹⁷ *Wiese B. von. Goethe und Heine als Europaer // Teilnahme und Spiegelung. Festschrift fuer Horst Ruediger. Berlin; New York, 1975. S. 308 и след.*

¹¹⁸ Ср. осторожные замечания на этот счет в кн.: *Hecker H. Russische Universalgeschichtsschreibung. Muenchen; Wien, 1983 (Studien zur modernen Geschichte. Bd. 29);* о Грановском: S. 55-73.

¹¹⁹ См.: *Ibid. C. 57.*

¹²⁰ *Николай Владимирович Станкевич: Переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым. М., 1857. С. 169 и след. На с. 106 (в тексте письма) – цитата из Теренция.*

¹²¹ См.: *Heier E. Zu I.A. Gončarovs Humanitaetsideal in Hinsicht auf die Gesellschaftsprobleme Russlands // Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung. Hg. P. Thiergen. Koeln; Weimar; Wien, 1994 (Bausteine zur slavischen Philologie u. Kulturgeschichte). S. 45-71.*

Смысловое наполнение формулы «*Slavus sum*» может быть до конца понято лишь в духовно-историческом контексте ее первоисточника – афоризма «*Нomo sum*». Русские поиски идентичности и возрождение малых славянских народов демонстрируют попытку славянского мира рядоположить – а временами и противопоставить – декларацию «Все славяне станут братьями» общечеловеческому тезису «Все люди будут братьями», хотя польские антирусские настроения, выразившиеся в восстаниях против России (1830–1831; 1863), очень рано поставили под вопрос этот постулат.

Несмотря на то, что предложенное исследование не охватывает всех касающихся нашей проблемы текстовых свидетельств и расширение его источниковедческой базы было бы весьма желательно, оно все-таки демонстрирует тот факт, что афоризм Теренция имел в славянском мире свою собственную, насыщенную смыслом и весьма знаменательную историю.

Перевод О.Б. Лебедевой